

ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Политическая культура как
проблематика исторической
антропологии

Цель: раскрыть предметное поле этой научной дисциплины, охватывающего различные аспекты традиционного политического сознания и поведения.

Применение антропологического подхода к изучению отношений власти и подчинения способствовало возникновению такого направления, как политическая антропология. Впервые термин в 60-е годы стали использовать этнологи, изучавшие политическую организацию архаических обществ. Позднее, в 80-е годы, Ж. Ле Гофф предложил использовать термин политическая историческая антропология для обозначения направления исторических исследований. По общепринятому мнению, основоположником политической исторической антропологии считают Марка Блока, автора известной книги «Короли-чудотворцы. Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии».

Предмет исследования в монографии Марка Блока - это средневековый обряд, по которому английские и французские короли лечили больных золотухой “возложением рук”. О подобном обряде еще в XIX веке писал Дж. Фрэнгер. Исследуя типичное для первобытного общества “представление о сверхъестественном характере королевской власти”, он раскрыл феномен сакрализации царя-жреца. Но, как говорят исследователи, Фрэнгер был классическим антропологом. Марк Блок - это историк, его называют выдающимся реформатором своей науки и глубоким теоретиком “ремесла историка”. Не случайно его книга называлась “Апология истории”, благодаря которой, собственно, он и стал широко известен.

Анализируя творчество Блока, мы узнаем, что сам он первоначально хотел назвать свою книгу “История одного чуда”. И как пишет в своем очерке Сергей Зенкин, возникли сомнения и последовал закономерный вопрос: «бывает ли у чуда история?» И чтобы это изучить, возникла необходимость создать новую дисциплину. И именно историческая антропология стала заниматься такими фактами, как обряды, верования и т.п., и в архаическом обществе, и в любом историческом обществе, чью эволюцию можно отследить по документам.

Сравнивая методологический инструментарий и предметные области антропологии и исторической антропологии, исследователи выделяют следующие различия. С точки зрения обычной или традиционной антропологии, “королевское чудо” в качестве предмета исследования легко трактуется как типичный пример “коллективного заблуждения”. Вера в него “возникла потому, что все этого чуда ожидали”. Она представляла собой признаваемую практически всем светом истину, но которую не принято было высказывать во всеуслышание.

Для антропологии всякий ритуал - явление константное, вечное, можно сказать, вневременное. Для исторической антропологии это явление возникающее, а значит, чем-то обусловленное, необходимое, развивающееся и отмирающее.

Критики отмечают, что в книге “Короли-чудотворцы” обряд помещен в четкие пространственно-временные рамки, его отправляют, сменяя друг друга, конкретные монархи с именами и датами жизни, люди, о которых до нас дошло, несмотря на давность эпохи, немало достоверных сведений.

Марк Блок удивительно точно показывает, каким образом исторически возникали обряд «возложения рук» и вообще идея священного характера королевской власти. В качестве источников для описания обряда служили имеющиеся документы - от бухгалтерских книг королевского двора до игральных карт с изображением царственных особ. Причинами обращения к этому обряду, как ни странно, была слабость этой самой власти, нуждающаяся в “харизме” и в сверхъестественной легитимации. Марк Блок приводит один лишь любопытный факт из истории. Больным, исцеленным подобным способом, выдавали своего рода «денежное вспомоществование», иными словами, материальную помощь или пособие. Так вот, оказывается, что его размер заметно возрастал в периоды династических междоусобиц. К примеру, во время войны Алой и Белой Розы, когда каждый из соперничающих претендентов на престол старался привлечь к себе толпы “пациентов” или страждущих, чтобы укрепить свою власть чудотворством...

- Пользуясь богословской терминологией, исследователи говорят о том, что Блок изучает феномен чуда апофатически. Апофатически – это теологический термин, объясняющий сущность Бога путём отрицания всех возможных его определений. Применение апофатического метода, позволило учёному изучить все то, что чудом не является, хотя и располагается рядом с ним. В исследовательской литературе мы находим сведения о том, какие “профанные” или иначе говоря, «мирские, светские» факторы его интересовали. А именно:
- Политический статус двух окраинных государств Европы - Англии и Франции, - не входивших в Священную Римскую Империю и не опиравшихся на ее авторитет;
- Соперничество королевской власти с властью церкви. Поскольку последняя неохотно уступала

мирянам свою монополию на “законное” чудо.

- Утверждение принципа первородства в престолонаследии. К сведению, целительство являлось прерогативой не всего королевского рода, а лишь законного государя.
- Структурная связь обряда возложения рук королем на страждущего с обрядом помазания самого короля при его восхождении на престол.
- Разнообразные параллельные верования и культы - “целительные кольца”, освящавшиеся английскими монархами, культы святых целителей, вера в магические способности седьмого сына в семье и т.д.
- Наконец, постепенный упадок обряда в эпоху абсолютизма, когда короли все меньше занимались целительством, не ощущая больше необходимости в сакральных подпитках для своей власти.

Такая постановка проблемы, по мнению экспертов, объясняется фундаментальной научной стратегией: не пытаться проникнуть в мистическую глубину сакрального феномена, но описывать его извне, показать его место в обществе.

Вот, например, как об этом пишет Жак Ле Гофф в своем предисловии к книге Марка Блока: «Действительно ли в итоге получается “история чуда”? Видимо, не в большей степени, чем “история тела” - тела болящего, чудотворного. Точнее всего будет сказать, что перед нами история социализации, социального функционирования или отчуждения чуда и тела, которые сами по себе, возможно, и не имеют исторической природы, - или у них уже совсем иная история, и мы ее еще не знаем»- резюмирует Ле Гофф.

Российский исследователь Сергей Зенкин дает такую оценку книге “Короли-чудотворцы” Марка Блока - это крайний предел исторического подхода к таким не вполне историческим предметам, геркулесовы столпы мира, постижимого “ремеслом историка”. Именно так читается сегодня эта книга - одновременно и памятник героического, поистине геркулесовского научного труда, и манящий рубеж, за который так соблазнительно заглянуть. Иначе говоря, суть в том, что в “Королях-чудотворцах” история осуществляет дерзкую методологическую экспансию, головокружительную вылазку за пределы своей привычной территории».

Другой классический труд на родственную тему имеет название “Два тела короля. Очерк средневековой политической теологии” Эрнста Канторовича, опубликованный в 1957 г. Если Марка Блока интересовали представления населения о чудесных способностях их монархов, то предметом рассмотрения Канторовича стали трактаты юристов и сочинения богословов, в которых нашла отражение та же потребность осмыслить двойственную природу короля, сочетающего в себе и образ смертного человека и бессмертную идею верховной власти.

Личность Эрнста Хартвига Канторовича (1895–1963) широко известна в мировом историческом сообществе. Комментаторы трудов Канторовича писали, что первое серьезное приобщение к древней истории состоялось, когда Канторович учился в Гейдельбергском университете. В студенческие годы будущий писатель познакомился с поэтом Штефаном Георге и долгое время входил в его литературный кружок. «Георгеанцы», так называли себя члены кружка, отводили особую роль в истории «героям», сильным лидерам, и среди обсуждаемых ими персон было множество деятелей классической древности. Именно Георге побудил Канторовича написать свою первую книгу, биографию императора Фридриха II Штауфена.

Основной круг вопросов книги «Два тела короля...» Канторовича связан с эволюцией представлений о сакральной сущности королевской власти. Следует сказать, что выражение «политическая теология» (politische Theologie) впервые было использовано юристом Карлом Шмиттом, который считал, что все понятия современного учения о государстве представляют собой секуляризированные теологические понятия.

Понятие «политическая теология». Э. Канторович применил к эпохе Средневековья, иногда оперируя греко-римскими аналогиями, поскольку важную часть книги составляли экскурсы в историю римского права. По мнению Канторовича, христоцентричный идеал королевской власти разрушился под влиянием римского права. Средневековые юристы стремились применить римский религиозный этос свода Юстиниана к условиям их собственного образа мыслей. Иоанн Солсберийский не отрицал максимы римского права, провозглашающей государя как фигуру, не связанную законами, однако считал, что он должен почитать закон и правосудие из любви к справедливости. Выражение «pater et filius Iustitiae / отец и сын юстиции» из Мальфийских конституций Фридриха II означал, что цезарь должен быть одновременно и Отцом, и Сыном Правосудия, его господином и слугой.

Книга: Историческая антропология

Лекция: Политическая культура как проблематика исторической антропологии

Автор лекции: Алия Масалимова

И то, как клирики и придворные понимали «культ Правосудия», по мнению исследователя, было проявлением влияния римского права. Двойственная функция императора выводилась из закона суда (*lex regia*), согласно которому квириты передавали принцепсу контроль (*imperium*) вместе с правом на законотворчество и освобождением от подчинения действию законов.

Критик подчеркивают, что Канторович досконально изучил сочинение Генри Брактона «О законах и обычаях Англии», его теорию двойственности королевской власти в отношении имущества и обратил внимание на зависимость юриста от римского права. К примеру, было подмечено, что частота употребления слова «фиск» в средневековых документах говорит не более чем о живучести античной административной лексики.

В своих исследованиях Канторович отслеживает как происходили отступления от сущности различных метафор, содержания понятий, заимствовании терминологии. Обмен политическими символами, по мнению немецкого историка, прослеживается в двух сферах. Во временном параметре от Античности → к Средневековью, и в сфере институциональной: Церковь ↔ Государство.

Таким образом, стремление обосновать государственные институты путем придания им религиозности, религиозного обоснования привело теоретиков светского государства к изучению не только римского и канонического права, но и теологии в целом.

Канторович подробно изучает образы богини Правосудия (*Iustitia*) в средневековых юридических трактатах, фресках, миниатюрах и находит явные отсылки к наследию Аристотеля, Цицерона, Юстиниана. Всем известная метафора «Рим там, где император», принадлежащая древнеримскому историку Геродиану, зафиксирована Канторовичем в комментариях в виде фразы «Где фиск, там и империя».

В общем и целом, по мнению комментаторов, Канторович признавал, что у дихотомического представления о власти могли быть корни в классической Античности. При этом он не стремился составить детальный обзор древних параллелей. Он не дал однозначного ответа на вопрос: совпадало ли в эпоху Античности бессмертное «сверх-тело» правителя с его предполагаемой божественной природой? Он допускал, что та или иная из античных формул приобретала действенность в эпоху Высокого Возрождения и что классическая модель порой помогала рационализировать определённые явления, возникавшие в совершенно другой среде.

Однако он считал, что сумма всех отдельных античных проявлений идеи «удвоения» не могла вылиться в стройную концепцию, и теория двух тел короля является производной от христианской теологической мысли. Безусловно, нельзя отрицать, что реалии античного мира стали отправной точкой для теоретических построения Эрнста Канторовича. Его сочинение о сакральных атрибутах власти не потеряло своей научной значимости в XXI в., и, по мнению исследователей, должно стать настольной книгой не только для медиевистов, но и антиковедов.

В продолжение темы значения «власти» для политической истории следует подчеркнуть, что в рамках нашей дисциплины акцент переносится с традиционного для политической истории исследования институтов власти на изучение их функционирования в определенном историко-культурном контексте. Историки изучают церемонии коронации, королевские въезды в города, традиционные ритуалы и изобретение новых. Каковы были представления подданных о власти монарха, и как сама эта власть являла себя подданным – в ритуалах и церемониях, – таков один из важнейших аспектов современного изучения феномена власти.

Изучение политических отношений не ограничивается символическим аспектом власти. Не менее важно исследование повседневности, рутины управления, а также распределения власти на разных ступенях общества. Особое внимание историков в 80 – 90-х годах, как мы уже говорили, привлекли проблемы патроната и клиентелы; а также посредничества во власти, неформальных отношений, дополнявших собой деятельность весьма несовершенных официальных структур.

Российский историк Михаил Кром констатирует, что своего рода полигоном для разработки этого направления исследований явилась история Европы и, в первую очередь, Франции периода раннего Нового времени, а именно XVI-XVIII веков. В качестве примера приводится работа Уильяма Бейка о Лангедоке в XVII веке, где успех централизованной политики Людовика XIV объясняется его умелым взаимодействием с местной аристократией и местными учреждениями - парламентом, муниципалитетами и т. д. При этом особо подчеркивается значимость личных связей в политике того времени, включая семейные, клиентарные, корпоративные и другие контакты. По существу, это демонстрирует то, как королевская власть способна усиливать и оказывать свое влияние в провинции. Действовала проверенная схема, другими словами, создавалась своего рода сеть благонадежных людей и путем влияния через эту

сеть агентов и клиентов обеспечивалось поддержание порядка на местах. Вне такой сети центральная власть просто не имела эффективных рычагов воздействия на провинциальное общество.

Система патронатно-клиентарных отношений во Франции XVII века являлась главным объектом исследований Шарон Кеттеринг. Ею написаны книги, касающиеся политической истории Франции XVI-XVII вв. Назовем лишь наиболее известные ее работы: «Власть и репутация при дворе Людовика XIII: карьера Чарльза д'Альберта, герцога де Люина (1578-1621) (Исследования по ранней современной европейской истории)» 2008 г. издания. «Патронаж во Франции шестнадцатого и семнадцатого веков» - работа опубликована в 2002г.

Шарон Кеттеринг в качестве источниковедческой базы использует главным образом материалы по истории французского Прованса, которые в целом дополняют и усиливают выводы Уильяма Бейка. Воссоздавая систему отношений, связывавших между собой столицу и провинции, она указывает на существование трех ключевых звеньев:

- патрона, в роли которого тогда выступал кто-либо из королевских министров,
- посредника-аристократа, занимавшего важный пост в местном органе власти (этого посредника Кеттеринг называет брокером, термин заимствован политологами из биржевого языка),
- и группа зависимых клиентов.

Главенствующая роль в этой системе отводилась посреднику-брокеру, умело перераспределявшему не только в своих интересах, но и в интересах Короны, выпадавшие на его долю королевские милости материального и нематериального свойства.

Среди многочисленных работ, посвященных отношениям патроната и клиентелы, Михаил Кром выделяет также книгу польского историка Антония Мончака, в которой наряду с западноевропейским материалом анализируются источники по истории речи Посполитой XVI-XVIII вв.

В целостности работы 80-х годов, написанные в том же ключе, что и книги Бейка и Кеттеринг, по мнению Михаила Крома, значительно изменили традиционные представления о механизмах функционирования власти при старом порядке.

Для того, чтобы было понятно, раскроем, что есть «старый порядок». По словам современного французского историка Пьера Губера, «Старый порядок - это прежде всего, форма общества». До Великой Французской революции сложившееся во Франции общество довольно сильно отличалось от того, что происходило в соседних государствах. Марксистские историки полагали, что это было феодальное общество. Однако подавляющее большинство немарксистских историков не разделяли это мнение, прежде всего по той причине, что в нём отсутствовали основные признаки феодализма.

Как известно, крепостное право во Франции повсеместно исчезло уже к концу XIII века, система вассальных отношений (или как ее еще называют - феодальная лестница) также была ликвидирована задолго до Старого порядка. Сильный удар по феодальным пережиткам был нанесён кардиналом Ришелье в начале XVII века. Об этом свидетельствовал французский историк, представитель второго поколения Школы «Анналов» - Робер Мандру. Он описывал в своей монографии «Франция в XVI-XVII вв.»: кардинал Ришелье уничтожил замки-крепости французских герцогов и баронов, сохранившиеся со времён Средневековья, распустил их частные армии, запретил дуэли и ввёл полицейские ограничения на свободы французской знати. С этого момента во Франции окончательно сформировался абсолютизм - сильная неограниченная власть монарха, которая также нехарактерна для феодализма с его системой рыхлой вассальной зависимости («вассал моего вассала - не мой вассал»).

Вместе с тем Старый порядок имел мало общего и с капитализмом, который бурно развивался в соседних странах Англии, Голландии, Германии и Италии. В отличие от этих стран, Франция той эпохи характеризовалась неразвитостью товарно-денежных отношений и преобладанием натурального обмена. Характерной чертой Старого порядка являлась сословность. Всё французское общество делилось на три сословия:

- католическое духовенство,
- дворянство
- и так называемое третье сословие.

В политической сфере делался упор на божественное право королей править своими подданными. Абсолютный монарх, самым знаменитым из которых был «Король-Солнце» Людовик XIV, обладал неограниченной властью.

Книга: Историческая антропология

Лекция: Политическая культура как проблематика исторической антропологии

Автор лекции: Алия Масалимова

«Старый порядок» соответствовал нескольким историческим периодам в истории Франции. Окончательно сложившись к концу эпохи сословной монархии, он в основном существовал в течение эпохи Ришелье и французского абсолютизма.

Так вот, имея представление о том, что понималось под «старым порядком», на основе анализа исследователей истории Франции XVI-XVIII веков, мы приходим к следующему выводу. Если раньше считалось, что в XVI-XVIII веках королевская власть, опираясь на бюрократию и постоянную армию, вела наступление на привилегии знати и права представительных органов - Парламент, Генеральные штабы, то теперь выяснилось, что действительное усиление центральной власти происходило не вопреки, а при поддержке местных элит и представительных учреждений. При этом использовались не какие-то новые бюрократические институты, а старые методы, основанные на личных связях, покровительстве и обмене услугами.

В подтверждении данного вывода М.Кром апеллирует к монографии известного британского историка Николаса Хеншелла. В его книге «Миф абсолютизма. Перемены и преемственность в развитии западноевропейской монархии раннего Нового времени», адресованной историкам, а также широкому кругу читателей, интересующихся политической историей западноевропейских монархий раннего Нового времени, исследуются характерные особенности развития западноевропейских, главным образом французской и английской монархий XVI-XVIII вв. И центральная тема - «развенчивание» так называемого историографического мифа об абсолютизме.

Обобщая наблюдения исследователей последних лет, Николас Хеншелл пришел к выводу, что традиционная концепция абсолютизма как сурового авторитарного режима, попирающего права подданных, является просто мифом. На самом деле власть искала соглашения и взаимовыгодного сотрудничества с местными элитами, парламентами и иными старинными учреждениями.

Таким образом, резюмирует М. Кром, «то, что еще недавно, при господстве институционального подхода, казалось историкам чем-то знакомым, напоминающим монархии XIX века, на поверку оказалось гораздо более архаичным явлением». «В целом предметное поле этого раздела исторической антропологии, охватывающего различные аспекты традиционного политического сознания и поведения, определяется как изучение политической культуры общества в ту или иную эпоху».

Основные термины

Политическая историческая антропология, «старый порядок», власть, ритуал.

Дополнительные ресурсы по теме лекции

1. Баландые Ж. Политическая антропология. - М., 2001.
2. Ле Гофф Ж. Предисловие // Блок М. Короли-чудотворцы : Очерк представлений о сверхъестественном характере королей. власти, распростран. преимущественно во Франции и в Англии / Пер. [с фр.] и коммент. В. А. Мильчиной. - М.: Яз. рус. культуры, 1998. - С. 11-58.
3. Блок М. Апология истории. - М., 1991.
4. Блок М. Короли-чудотворцы: Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии.- М., 1998.
5. Ильин В.В., Панарин А.С., Бадковский Д.В. Политическая антропология. - М., 1995. - 255с.